МАРИНА СЕРОВА

ДЕТЕКТИВ-БЕСТСЕЛЛЕР

Моя дорогая служанка

Сериал
"Частный детектив Татьяна Иванова"

Марина С. Серова

Моя дорогая служанка

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3364505
Моя дорогая служанка: Эксмо; М.:; 2012
ISBN 978-5-699-56850-5

Аннотация

Классический сценарий мелодрамы: богатый пожилой мужчина – его жена – молодая красотка-горничная. Только вот для частного детектива Татьяны Ивановой любой сюжет рано или поздно становится криминальным. Так получается и в этой истории – горничная Карина мертва, муж Виталий задержан по подозрению в ее убийстве, а жена Маргарита рыдает и требует освободить супруга. С помощью Татьяны невиновность неверного доказывается быстро, однако дальше события развиваются совершенно неожиданным образом. Любовный треугольник превращается в более сложную геометрическую фигуру – поклонником прелестной горничной оказывается двадцатилетний сын главных героев. Естественно, теперь он новый подозреваемый. И доказать его невиновность будет уже сложнее…

Содержание

Глава 1 4
Глава 2 15
Глава 3 26
Конец ознакомительного фрагмента. 33

Марина Серова
Моя дорогая служанка

Глава 1

Я возвращалась домой с последней встречи со своим клиентом. Очередное дело было закончено, в моем кошельке лежало несколько новеньких хрустящих купюр солидного достоинства, и от этого мое настроение было в высшей степени радостным. Вот сейчас завалюсь в свою уютную квартирку, переоденусь и поеду в СПА-салон, приму там расслабляющую ванну, а потом дома сяду к телеящику с чашечкой кофе и буду весь вечер наслаждаться бездельем. Если бы еще хоть пару-тройку дней не было клиентов! Тогда можно было бы съездить в гости к подруге Светке и уже вместе с ней прошвырнуться куда-нибудь на природу. Скоро лето, погода последние дни совсем теплая, и можно было бы уже позагорать на весеннем солнышке без опасения обгореть.

В этот момент я заметила, что проезжаю мимо отделения полиции, в котором работает мой друг и однокурсник Андрей Мельников. Я повернула к зданию РОВД и поставила свою машину на стоянку перед ним.

В холле за стеклянной будкой сидел молодой симпатичный лейтенантик.

– Вы к кому? – строгим тоном осведомился он, старательно стянув брови к переносице.

– К Мельникову.

– Ваша фамилия?

– Иванова.

– Минуточку.

Лейтенантик снял трубку внутреннего телефона, нажал три кнопки и сказал:

– Иванова к Мельникову… Пропустить?.. Хорошо. – Он поднял на меня свои голубые глаза: – Проходите.

Щелкнуло устройство блокировки, я толкнула «вертушку», поблагодарила молодого человека и прошла в длинный коридор, в котором по обе стороны располагались двери. Эх, жалко, очень уж молод этот мальчик в стеклянной будке. Будь он лет на пять постарше, можно было бы и состроить ему глазки, и познакомиться. А так… Сколько ему? Года двадцать два, не больше…

Я остановилась перед дверью Андрюшиного кабинета. За ней слышалось невнятное бормотание. Что это? У моего друга кто-то на приеме или на допросе? Но тогда почему он разрешил пропустить меня к нему? Я постучала и осторожно приоткрыла дверь.

– …Да поймите же вы! Мой муж не убивал! Он – не убийца! Он – нормальный человек, он предприниматель и хороший семьянин… Отпустите его, умоляю!..

В кабинете Андрея напротив его стола, на обшарпанном стуле, сидела женщина лет сорока пяти. Я как-то сразу разглядела ее. Она была недурна собой, и сразу видно, что очень следила за своей внешностью. Ее серый костюм – узкая юбка и элегантный пиджачок сидели на ее чуть располневшей фигуре, как влитые. Туфли на высоких каблуках, дамская сумка, украшения, макияж, прическа – все было довольно дорогое, модное, подобранное со вкусом. В руках она держала платочек, который периодически прикладывала к глазам.

При моем появлении и Андрей, и дама посмотрели в мою сторону.

– Тань, проходи, я уже закончил, – кивнул мне Мельников и снова повернул голову к посетительнице: – А вам я говорю еще раз и, надеюсь, в последний: мы вашего мужа не посадили, а всего лишь задержали. Мы будем во всем разбираться, так что идите домой…

– Как домой?! Нет, подождите! Я не могу так уйти. Я же вам объясняю, что мой муж не преступник! Он просто не мог ее убить! Ну, сами подумайте: зачем такому человеку – начальнику кредитного отдела коммерческого банка и хорошему семьянину убивать какую-то там домработницу?! Абсурд!

– Да почему же абсурд? – начал потихоньку выходить из себя Мельников.

Я между тем прошла в его кабинет и тихо села на стул в уголке.

– Потому что абсурд! – кричала со слезами дамочка, поднося платочек к глазам. – Не убивал он! Как вы понять не можете?! Я вам сто раз сказала, что он не убивал, а вы опять – «подозрения, улики»!..

– Даже если вы двести раз скажете, что он не убивал, я все равно его не выпущу! – начал кипятиться мой друг. – И вообще, идите уже, гражданка Удовиченко! Мне надо работать…

– Работать?! А мой муж будет сидеть в тюрьме ни за что?! Да вы кого угодно спросите – соседей, знакомых, родственников, – все вам скажут, что он спокойный и уравновешенный человек.

– Обязательно всех спрошу, даже не сомневайтесь. Всех спросим, всех допросим, все проверим, потом все перепроверим – у нас такой порядок. Если невиновен, отпустим… А теперь – идите, пожалуйста, гражданка! Дайте же, наконец, работать! Видите – меня другие дела ждут…

Мельников при этих словах кивнул на меня. Дамочка встала с самым недовольным видом. Она шмыгнула носом и, громко стуча каблуками, вышла из кабинета. Когда дверь за ней захлопнулась, Андрей облегченно вздохнул:

– Уф! Я уж думал, никогда от нее не отделаюсь. Нет, ну бывают же такие непонятливые! Я ей битый час объясняю, что ее мужа не посадили, а только задержали, что это еще не страшно, может, его и выпустят, а она плачет и требует его освободить!

Я пересела на место удалившейся дамочки.

– Ну, ее можно понять… А что вообще случилось?

– Слушай, давай чай попьем, раз уж ты зашла. Хоть немного в себя приду, а то уже голова кругом…

Андрей встал из-за стола, взял с тумбочки два бокала и включил электрический чайник. Потом он достал из своего стола пакетированный чай и пол-литровую банку с сахаром.

– Что случилось, говоришь? Да что у нас может случиться? Ничего особенного, все, как обычно: изнасилования, грабежи, убийства… В данном конкретном случае убита бывшая горничная этой вот мадам. Два года она работала в ее доме – убирала пятикомнатную квартиру, а полгода тому назад хозяйка ее выгнала.

– Девушка была молодая? – спросила я.

– Да, двадцать шесть лет.

– Осмелюсь предположить, что дамочка застукала мужа с этой горничной, – сказала я.

Мельников поставил передо мной бокал и налил в него кипяток.

– Как догадалась?

Я взяла из пачки пакетик и бросила его в свой бокал.

– Женская интуиция. А зачем, по-твоему, этому мужику убивать свою молодую любовницу?

– Там все оказалось сложнее. Мало того, что сорокавосьмилетний глава семейства свихнулся из-за рыжей бестии с копной роскошных волос, так еще и его сын, студент института, тоже влюбился в нее. А девица оказалась с широкой душой: в ней, как выяснилось, поместились оба: и отец, и сын.

– Думаешь, отец убил девушку из ревности? Чтобы сыну не досталась? По принципу «Так не доставайся ты никому!»? Что-то не вяжется.

– Тань, я пока ничего не знаю. Господина Удовиченко я приказал арестовать потому, что в тот день он был там.

– Там – это где?

– На квартире, которую он снял для этой девицы. Похоже, этот Удовиченко-старший так запал на девушку, что даже скандалы с женой не могли его остановить.

– И часто они встречались?

– Я успел расспросить только одну соседку. Та сказала, что сынок приходил два-три раза в неделю, а папочка – чуть реже: один – максимум два раза.

– Понятно, – усмехнулась я, – начальник кредитного отдела коммерческого банка, занятой человек!.. Как звали погибшую?

– Карина Овсепян.

– Она что, армянка?

– По отцу. Мать у нее, похоже, русская.

Андрей достал из ящика стола фотографии, протянул мне. На первой была изображена яркой внешности девица с дерзким взглядом. Она была необычайно хороша: огромные карие глаза под пушистыми ресницами и соболиными бровями, с копной золотых, просто роскошных волос. Одета девушка была в довольно откровенную кофточку, которая облегала ее пышный бюст и тонкую талию. На шее у нее блестела золотая цепочка, в ушах были длинные сережки, на запястье – браслет. На другой фотографии эта же девушка лежала на полу какой-то комнаты в неестественной позе. В груди ее зияла дыра, белая майка была в крови, по полу расползлась лужица темной жидкости.

– Так ее застрелили? – удивилась я, внимательно рассматривая фотографию.

– Да, из «макарова». Причем стреляли практически в упор. На маечке, в том месте, где входное отверстие, – следы пороха…

– А следы борьбы?

– Одежда не порвана, но на запястье и предплечье патологоанатом обнаружил несколько синяков.

– Значит, борьба была, хотя, скорее всего, небольшая или короткая… Ну и за что, потвоему, ему ее убивать?

– Да откуда я знаю?! – вскипел Мельников. – Следствие еще только начато. Может, в тот день она ему не дала!

– Вскрытие уже было? И что, половой контакт не имел место?

– Вскрытие было, но результат мне еще не принесли. Однако при осмотре квартиры на постели мы нашли простыню со всеми, извиняюсь, вытекающими последствиями.

– Значит, контакт все-таки имел место… А говоришь, не дала!..

– Так еще вопрос кому! Может, она в тот день сыночка у себя принимала, а папочка явился, так сказать, не в то время…

– Соседи слышали какие-нибудь крики, шум? Кроме выстрела, разумеется.

– Слышали, – кивнул Андрей, – причем дважды. То есть в тот день он был у нее довольно долго: голубки успели поссориться два раза.

– А это точно был Удовиченко-старший?

– Его видела соседка по лестничной клетке… Слушай, мать, – насторожился вдруг Мельников, – а что ты все расспрашиваешь, а? С какой целью выпытываешь, ну-ка колись!

– Да так просто. Ты же знаешь: я страдаю запущенной формой любопытства… Вообще-то, Андрюша, мне кажется, что папочка здесь ни при чем. Это, конечно, так, навскидку. Если покопаться в деле поглубже…

– Ага, размечталась! Покопаться ей захотелось! И вообще, что ты, в самом деле, прицепилась к этому случаю? Своих дел нет?

– Нет, – кивнула я.

– Давно?

– Вот уже полчаса.

– Круто! Ну так и радуйся: можешь отдыхать. Я бы на твоем месте поехал куда-нибудь на природу… И лучше с молодым человеком.

– Ты? С молодым человеком? – Я подозрительно посмотрела на моего друга. – Андрюша, извини, не замечала раньше в тебе подобных наклонностей.

– Я имею в виду, тебе надо поехать на природу с молодым человеком!

Мельников сделал недовольное лицо и налил себе еще воды из чайника.

– А-а… мне… А я уж было подумала…

– Так вот, я о той горничной, – резко сменил тему Андрей. – По всему видно, ушлая девица! Мадам Удовиченко сказала, что, пока она еще у нее работала, из дома пропадали кое-какие вещи. Мелочь, конечно, но все-таки…

– А что именно пропадало? – уточнила я.

– Перстень этой дамочки, золотой, с бирюзой. Потом еще цепочка, тоже золотая. Серебряный кулон в виде сердечка с фианитом…

– Она обращалась в полицию?

– Нет, сказала, что, мол, для нее это не слишком большая потеря, а видеть полицию у себя в доме ей не особо нравилось.

– Я даже догадываюсь почему, – усмехнулась я.

– Да? И почему же?

– Скорее всего, мадам Удовиченко подозревала, что кто-то из ее мужчин имеет связь с этой девицей и пропавшие вещи – это следствие их благосклонности к своей пассии. Говоришь, потом, после ухода из дома Удовиченко, девушка принимала на квартире и папочку, и сыночка?! Правильно, чего теряться! Небось и подарки с обоих брала, – усмехнулась я.

– Да, похоже, что так, – кивнул Андрей, шумно потягивая чай. – В квартире нашли кое-какие украшения… Причем одни дорогие, другие – не очень. Думаю, те, что дорогие, дарил девушке отец, а те, что подешевле, – сын.

– И ведь никто не доказал, что девушка воровала украшения, пока работала в доме. Может, действительно «бедный» студент сам тырил их у родной мамочки для своей дамы сердца… А версию, что убил сын, вы не рассматривали?

– Да почему же?! Рассматриваем и ее. Все рассматриваем, причем под лупу. Но я же сказал: следствие еще только началось, материал собирается…

– Но папочка в роли убийцы тебе нравится больше?

– При чем здесь нравится или не нравится? Просто соседка видела, как он приходил к девице в тот день, и слышала шум ссоры. А поругаться, как я сказал, они успели два раза, хорошо так поругаться, соседка даже им в стену стучала: мол, потише там, а то сериал мешаете смотреть!

– Соседка, конечно, бабушка – божий одуванчик, – предположила я.

– С чего ты взяла?

– Кто еще смотрит эти «сопливые» сериалы!

– Да, соседка – пенсионерка, но ей не девяносто восемь с половиной, она все прекрасно слышит и видит…

– В дверной глазок.

– Да хоть бы и так! Что бы мы вообще делали без таких вот бдительных бабулек-пенсионерок?!

Я отставила свой пустой бокал в сторону:

– Да, ты прав… Спасибо тебе за чай, Андрюша. Пойду, пожалуй, не буду отвлекать тебя от работы.

Я встала, Мельников тоже поднялся со своего места:

– Тебе спасибо, что навестила, проведала… Как ты там… вообще?

– Ничего, как видишь, жива-здорова, работаю…

– А я просто пашу, как верблюд на целине!

– Сочувствую вам, господин полицейский, и надеюсь еще увидеться с вами. Ну, пока!

Я направилась к двери. Мой друг пошел меня провожать:

– Давай, мать, наведывайся хоть изредка!

– Наведаюсь, не сомневайся, еще выгонять меня будешь!

Я вышла из здания РОВД и направилась к своей машине. Тут мой взгляд случайно упал на стоящую неподалеку «Ниссан Ноту» оливкового цвета. В ней на водительском месте сидела та самая мадам Удовиченко, которая плакала в кабинете Мельникова, уговаривая его выпустить ее невиновного мужа. Женщина почему-то до сих пор не уехала домой, хотя было непонятно, чего она собирается здесь высидеть?

Не знаю зачем, наверное, просто по какому-то наитию, но я подошла к ней. Женщина смотрела прямо перед собой невидящим взглядом. Когда я приблизилась, она медленно перевела взгляд на меня. Глаза ее были красными, значит, она наплакалась тут всласть, пока мы с Андреем мирно беседовали.

– Извините, – сказала я, – мы, кажется, сейчас виделись в кабинете Мельникова…

Дама посмотрела на меня и невесело усмехнулась:

– А у вас кого посадили?

– У меня? – растерялась я. – Никого… А что, должны были?

Только тут до меня дошло, что она имела в виду.

– Нет, у меня никто из родственников не арестован, к Мельникову я приходила как к другу. Он рассказал мне в двух словах, что у вас случилось. Я частный детектив, меня зовут Татьяна Иванова, и мне кажется, что я могла бы помочь вам. Если, разумеется, вы сочтете нужным нанять меня.

Женщина удивленно покосилась в мою сторону:

– Детектив? А что это?

– У меня – лицензия, я могу участвовать в расследовании любого уголовного дела, частным образом, разумеется. Меня нанимают проследить за кем-нибудь или…

– А! – вскрикнула мадам Удовиченко. – Я поняла… Господи, ну, конечно! Именно вы мне и нужны! Как это я сама не догадалась? Скорее садитесь в мою машину.

Я опустилась на пассажирское сиденье ее «Ниссан Ноты». Как здесь, однако, комфортно и красиво! Но любоваться внутренним дизайном салона мне довелось недолго. Мадам мгновенно взяла быка за рога:

– Меня зовут Маргарита Игоревна. А вас, Татьяна, как по отчеству?

– Александровна, но давайте обойдемся без моего отчества, мне так удобнее.

– Хорошо. Так, я поняла, что могу вас нанять для того, чтобы вы расследовали это дело сами, без милиции? – уточнила Маргарита Игоревна.

– Параллельно с милицейским расследованием, – уточнила я. – Но это не говорит о том, что им не будут известны его результаты.

– И вы можете сделать так, чтобы моего супруга отпустили?

– Разумеется. Мало того, я просто уверена, что он не убивал ту девушку, вашу горничную.

– Бывшую горничную, – мгновенно поправила меня дамочка. – Вот уже полгода, как она покинула наш дом… Черт! Мне надо было сделать это раньше…

– Что «это»? – уточнила я. – Выгнать ее?

– Разумеется! Как я вообще могла принять ее, ума не приложу!..

– Ну, теперь-то об этом поздно сожалеть, а вот вытащить вашего супруга из этой неприятной истории, думаю, я вам помогу. Маргарита Игоревна, моя ставка…

– Не имеет значения. У меня есть деньги. Приступайте к вашему… как это? Расследованию?.. немедленно! Слышите, Татьяна? Вот вам аванс, когда Виталий будет на свободе, вы получите приличное денежное вознаграждение, не сомневайтесь.

С этими словами Маргарита Игоревна достала из своего большого и красивого кошелька пятитысячную купюру и протянула мне. Я медлила брать ее.

– Что такое? – удивилась дамочка.

– Видите ли, моя ставка – двести долларов в день, – сказала я.

– Да? – удивилась она еще больше. – Ну, хорошо, как скажете…

Она убрала деньги в кошелек и на этот раз достала пятисотдолларовую купюру:

– Этого для начала хватит?

Я взяла у нее деньги:

– Маргарита Игоревна, я сегодня же составлю договор и принесу вам на подпись.

– Ладно, – отмахнулась она, – только начните, пожалуйста, побыстрее ваше расследование. Я так переживаю за Виталия! Как он там, бедный, с этими уголовниками?!

Она закрыла глаза и покачала головой.

– Я сегодня же приступлю к своим обязанностям. Для начала мне надо будет опросить все ваше семейство – и вас в первую очередь, – чтобы составить картину происшедшего. Это является обязательным условием, как и то, что мне говорить вы должны только правду.

– А без этого разве нельзя? – поморщилась дамочка.

– Увы!

Она вздохнула:

– Значит, вы тоже будете копаться в нашем грязном белье и выуживать все тайны нашей семьи! Ужас, какой ужас! Как я могла?! Как допустила, как проглядела?.. Мне будто кто-то завязал глаза…

Она всхлипнула и снова взялась за платочек. Я заметила, что тушь ее потекла, образовав вокруг глаз черные некрасивые пятна.

– Что вы проглядели? – тут же уточнила я.

– Моих мужчин. Мужа и сына. Я не подумала, что эта тварь так себя поведет…

– Маргарита Игоревна, если у вас сейчас есть время, расскажите мне, пожалуйста, про вашу горничную все с самого начала: как она пришла к вам работать, когда, как себя вела в вашем доме, словом, все-все. Мне нужны все подробности. И помните: со мной, как с врачом – только правду!

Маргарита Игоревна вздохнула, потом махнула рукой:

– Ладно, что уж теперь! Вляпались – дальше некуда… Я, честно говоря, не хотела ее брать: очень уж молода, хороша собой – яркая, броская внешность… Ей тогда было всего двадцать четыре, причем едва только исполнилось.

– Но что же вас заставило поступить вопреки своей воле?

Женщина несколько замялась:

– Понимаете… Как бы это сказать?.. Мы тогда были в несколько затруднительном материальном положении… Кризис и все такое… Мой магазин давал совсем небольшой доход, зарплата мужа тоже резко упала, сами понимаете: кредит во время кризиса мало кому давали…

– Смею предположить, что она запросила с вас небольшую оплату за свою работу, – сказала я.

– Да, – кивнула Маргарита Игоревна, – я как раз только что уволила прежнюю свою домработницу, которая не соглашалась поработать какое-то время за более низкую зарплату. Ей было тридцать лет, и у нее имелся восьмилетний ребенок. Она заявила, что ее не вол-

нуют ни кризис, ни наше материальное затруднение. Ей, мол, надо кормить семью – себя и ребенка! И тогда я решила, что на ее место возьму молодую девушку без детей и особых претензий.

– Но ведь вы должны были понимать, что и спрашивать в таком случае вы можете только на ту сумму, которую платите. Дешевые работники, как правило, и работу свою выполняют соответственно.

– Да, конечно, я это понимала. Но куда мне было деваться?! Мой магазин настолько резко снизил доход, что я даже уволила двух из четырех продавщиц. Остальным, включая бухгалтера и уборщицу, на треть сократила зарплату. Конечно, я объяснила людям, что это – временная мера, и если они хотят, то могут уволиться. Я даже готова была сама встать за прилавок! Поверьте, я держу горничную не из-за того, что я – белоручка или там какая-то лентяйка, просто мне совершенно некогда заниматься хозяйством. Я приезжаю в свой магазин первая, за полчаса до открытия, а уезжаю последняя, после ухода уборщицы. Я так устаю, что дома мне уже не до мытья полов или посуды! Поэтому, когда наша прежняя домработница уволилась, я тут же начала искать другую. В это время одни наши знакомые уезжали в Израиль на постоянное место жительства. Они и порекомендовали мне эту… как исполнительную и аккуратную девушку без особых претензий. Я поговорила с ней и поняла, что она мне подходит: детей у нее нет, а работать она согласна за зарплату, в два раза меньшую, чем та, что мы платили предыдущей горничной. Правда, выяснилось, что она приезжая и ей негде жить.

– И вы пустили ее к себе жить?

– А что мне оставалось делать? Да и потом, у нас пять комнат. Мы втроем прекрасно уместились в четырех, а самую маленькую отдали Карине. Ее все равно никто не занимал, это была гостевая комната на случай, если кто-то из друзей решит заночевать у нас… Да, получала она мало, но зато питалась бесплатно, и ей не надо было платить за жилье.

– У вас к ней как к горничной были претензии? – продолжала допытываться я.

– Господи, а это-то здесь при чем? – высоко вскинула свои красивые брови мадам Удовиченко.

– Маргарита Игоревна, ответьте, пожалуйста, на мой вопрос, – терпеливо сказала я.

Она помолчала, потеребила свой платочек, потом скомкала его и бросила на приборную панель.

– Сначала претензий не было, – сухо сказала женщина, – но только сначала. Она убиралась в квартире, готовила обед, ходила в магазин за продуктами… Первое время я контролировала ее, проверяла сдачу, а украшения в своей шкатулке прятала под замок в потайной ящик секретера. Но потом убедилась, что деньги она не приворовывает, и успокоилась. Убиралась она тоже вроде неплохо. Конечно, были небольшие косяки: то пыль где-то оставит, то сантехнику не особо чисто вымоет, но я закрывала на них глаза: все-таки и платили мы ей мало.

– А когда начались проблемы?

– Примерно через год, как эта девка пришла к нам, – сквозь зубы процедила Маргарита Игоревна.

Я заметила, что она избегает называть девушку по имени. Значит, ненависть к бывшей домработнице у нее довольно сильна.

– Да, пошел уже второй год ее работы у нас, когда вдруг пропал мой серебряный кулон в виде сердечка с фианитом. Он был не очень дорогим в смысле денег, скорее, дорог как память: мой муж подарил его мне на первую годовщину нашей свадьбы. Я, честно говоря, тогда не особо огорчилась: во-первых, я думала, что сама его куда-то запрятала и забыла, а, во-вторых, у меня уже было достаточно много вещиц куда более приличных! Но когда через месяц пропала еще и цепочка, на этот раз золотая, я очень расстроилась. Не из-за денег,

поверьте! Я могла бы пойти в ювелирный и купить себе другую цепочку, но сам факт… Было, конечно, страшно неприятно. Я сказала о пропаже мужу, но он только рукой махнул, мол, брось переживать из-за пустяков! В ближайшие выходные мы поехали в салон, и я выбрала себе хорошую цепочку.

– Еще пропажи были? – спросила я, видя, что мадам Удовиченко сникла и замолчала.

– Да. Потом пропали деньги. Небольшая сумма, кажется, тысячи три. И опять муж попросил не расстраиваться, сказал, что я сама, очевидно, забыла, куда их потратила… А потом был еще пропавший перстень, золотой, с бирюзой. Потом снова пропали деньги, на этот раз пять тысяч…

– Но все это вкупе не такая уж и мелочь! Почему вы не обращались в полицию? – удивилась я.

Она помедлила с ответом. Снова потеребила платочек, вздохнула, пожала пару раз плечами.

– Если честно, Татьяна… Я к тому времени стала замечать, что мой сын Женечка… Он как-то так посматривал на эту девку… Словом, я как мать почувствовала, что между ними что-то есть… Я прихожу домой поздно, часов в восемь, отец еще позже. Женечка возвращается из института в три, иногда в четыре-полпятого… Словом, до нашего прихода у них масса времени для… ну, сами понимаете, для чего. А он у нас мальчик интеллигентный, ухаживает за девушками красиво… Вот когда на первом курсе у него была девочка Марина, он постоянно просил у нас денег: в кино ее водил, а еще дарил то цветок, то заколку для волос… Но он просил очень небольшие суммы, а когда начал просить больше, отец сильно возражал…

– Одним словом, – заключила я, – вы подозревали, что это он воровал у вас деньги и драгоценности? Для презентов своей пассии.

Мадам Удовиченко покосилась на меня, вздохнула и только потом кивнула:

– Да. Только он не воровал, а… как бы… брал. Все-таки он наш сын, он тоже живет в этом доме… Но это только мои подозрения!

– А вы пробовали говорить с ним об этом? Спрашивали его, он ли брал у вас деньги и украшения?

– Нет, что вы! Я как-то раз при нем заикнулась – только заикнулась, что пропали деньги, он так расстроился, вы не представляете! Стал кричать: вы что, мол, меня подозреваете?! Если мальчик так переживает, зачем же его травмировать?! Сын у меня единственный, и мне, в конце концов, его спокойствие дороже каких-то там денег и побрякушек!

Я посмотрела на нее удивленно. Неужели она не понимает, что дело совсем не в деньгах и побрякушках? Дело даже не в принципе, а в том, что в ее доме был нарушен ее порядок и даже закон. Кражи, пусть бы мелкие и незначительные, но это все равно кражи. Надо было всем троим садиться за стол переговоров и выяснять обстановку в доме, разбираться во всем, пусть даже ценой спокойствия единственного сына. Закрывать глаза на проблему, пытаться сделать вид, что ничего не происходит, – это не выход. Такая тактика зачастую приводит к довольно печальным последствиям.

Все это я попыталась объяснить Маргарите Игоревне, но она меня, кажется, не услышала.

– Вы хотите, чтобы я из-за каких-то пяти тысяч нервировала собственного сына?! – возмущенно воскликнула дамочка. – А вы знаете, Татьяна, у одной моей приятельницы тоже были конфликты с сыном, а потом он вообще ушел из дома! Вот так! Я, извините, такого допустить не могла, я решила закрыть на все глаза и терпеть.

«Вот ты и дотерпелась!» – чуть было не сказала я.

– А из-за чего вы выгнали Карину?

Маргарита Игоревна снова сникла, снова принялась старательно теребить платочек, словно хотела растеребить его на нитки, потом, помедлив, неохотно ответила:

– Однажды я приехала домой в обед. Совершенно случайно. Я забыла у себя на столе кое-какие документы и заехала забрать их. Неожиданно я услышала их разговор в нашей спальне… Господи! Я же сразу обо всем догадалась…

Она снова заплакала.

– Вы застали вашего мужа с домработницей? – спросила я напрямую.

– Практически да. Конечно, они уже были одеты, но… Они были в нашей спальне! Раскрасневшиеся, растрепанные… Я поняла, что это – крах! Крах нашей счастливой семейной жизни, крах всему!.. Мой муж имеет связь с этой вульгарной девицей! Господи! Да мне и в страшном сне не могло такое присниться! Я поняла, что пропавшие вещи – это такая мелочь по сравнению с тем, что на меня свалилось…

Она говорила сквозь слезы. Я ее прекрасно понимала. Я бы на ее месте просто убила обоих, а у нее еще хватило выдержки… на что?

– Вы указали девушке на дверь?

– Да. Я закричала, чтобы она немедленно убиралась. Она тут же, не возражая, пошла в свою комнату собирать вещи. Через четверть часа она вышла в прихожую с большой дорожной сумкой и таким же огромным пакетом. Я удивилась: когда два года назад она приходила к нам, вещей у нее было в два, если не в три раза меньше. Похоже, мои мужчины ее хорошо облагодетельствовали за это время. Но она-то как могла так поступить, тварь неблагодарная?! Ей предоставили жилье, работу, а она!.. Мерзавка! Честно говоря, я даже рада, что ее прикончили. Не знаю, кто это сделал, но другого она не заслужила.

– Но в невиновности вашего мужа вы уверены?

– Да, он не мог! Я прожила с этим человеком двадцать два года, я знала его больше трех лет, прежде чем согласиться выйти за него. Как вы думаете, за четверть века можно узнать, что из себя представляет человек? Он не мог, у него не такой характер, поверьте! Он – мягкий, он вообще не конфликтный. Он всегда все свои проблемы решал цивилизованными способами.

– А кто, по-вашему, мог ее убить?

– Да я-то откуда знаю?! Может, у нее любовников было – считать, не пересчитать! Может, мой муж был у нее не единственным? Такие шустрые девочки сейчас пошли…

– Скажите, в вашем доме есть оружие? – спросила я.

– Да. Вернее, было…

– Уточните.

– Мой папа был военным. Он ушел в отставку в звании полковника. Пистолет «макаров» – это его наградное оружие еще за Афган. Когда мы жили все вместе – я имею в виду, с моими родителями, – пистолет хранился в сейфе. Некоторое время назад… родители стали жить отдельно, но папа не забрал его. Все собирался, да так и не собрался… Когда случилось все это… полиция пришла к нам с обыском, но пистолет не нашли.

– Вот как! Интересно… И когда же он пропал?

– Не знаю. Мы его давно не трогали, лежал он себе в сейфе и лежал, зачем он нам?!. А тут… Обыск, и вдруг оказалось, что на месте его нет.

– Значит, это выяснилось только во время обыска… А ваш муж умеет стрелять?

– Разумеется. Он ведь когда-то служил в армии.

– А сын?

– Что?! Татьяна, при чем здесь мой сын? Уж не хотите ли вы сказать…

– Я только спросила. Маргарита Игоревна, будьте готовы к тому, что вам придется отвечать на мои не всегда удобные для вас вопросы.

– Только не вздумайте подозревать сына! Он не умеет обращаться с оружием. Я, кстати, тоже.

«А вот это сомнительно», – подумала я, но спорить с клиенткой не стала. Все равно все сведения, данные ею, я потом буду проверять.

– Значит, ваш «макаров» пропал из сейфа в вашем доме? Это интересно! Кто же его мог взять?

Она покосилась на меня и как-то испуганно пробормотала:

– Не знаю… Практически никто. Доступ к сейфу был только у меня и мужа. Но это не мы, честное слово!..

«Это не есть хорошо», – подумала я. Это вообще просто скверно. Значит, доступ к оружию был только у этих двоих – у мужа и жены. Пару минут я осмысливала услышанное.

– Маргарита Игоревна, мне просто необходимо поговорить с вашим сыном, – сказала я.

– Зачем? – испугалась она.

– Я задам ему несколько вопросов.

– О чем?

– Послушайте, чего вы так боитесь? Я же обещала вытащить из КПЗ вашего супруга, а для этого мне необходимы кое-какие сведения.

– Татьяна, задавайте ваши вопросы мне, я вам отвечу…

– Мне нужны сведения от разных людей. Кстати, кто еще сейчас проживает с вами?

– Никто, мы живем втроем. Правда…

Она замялась.

– Что? – тут же вперила я в нее взгляд.

– Моя мама… Она сейчас временно живет у нас, занимается хозяйством… Но это временно. Она хочет поддержать меня в такую трудную минуту, как-то помочь… А вообще, она живет отдельно, в своей квартире.

– Значит, и с вашей мамой мне тоже придется поговорить.

– А с ней зачем?

– Маргарита Игоревна, понимаете, у меня такой метод работы – аналитический. Я собираю сведения, потом анализирую их и делаю выводы. Но для этого мне надо собрать их как можно больше.

– Ну, если это поможет моему мужу… Говорите, конечно. Женечка придет домой часа в три, а мама и сейчас должна быть дома.

– Как ее зовут?

– Серафима Аркадьевна.

– Вы можете сейчас поехать со мной к вам домой?

– Нет, у меня срочные дела. Я и так бросила магазин почти на полдня, я ведь с утра здесь торчу.

– Тогда позвоните вашей маме и скажите, что к вам домой приедет частный детектив и будет задавать вопросы. Чтобы она была, так сказать, в курсе.

– Да, конечно!

Маргарита Игоревна достала из сумочки мобильник и нажала пару кнопок. Потом поднесла его к уху:

– Мама! Это я… В полиции была, но пока ничего не добилась… Об этом потом… Мама, будь сейчас дома, к тебе придет одна девушка, Татьяна Иванова. Это частный сыщик… Я ее наняла… Как зачем? Она поможет вытащить Виталия из КПЗ… Я тебе потом все расскажу. Мама, пожалуйста, ответь на ее вопросы, напои чаем, а когда придет Женечка, она и с ним тоже поговорит, хорошо?.. Ну, пока!

Маргарита Игоревна выключила телефон и повернулась ко мне:

– Мы живем на Ломоносова, сто пятьдесят девять, квартира девять. Легко запомнить. Мама ждет вас. А я, если смогу, подъеду после обеда.

– Хорошо, – кивнула я, – и еще, Маргарита Игоревна, приготовьтесь к тому, что вы можете узнать новости, которые окажутся для вас… не совсем приятными.

Женщина посмотрела на меня, широко открыв глаза:

– О, господи!.. Татьяна, вы меня пугаете…

– Нет, вот пугаться как раз не стоит. Возможно, вам придется помогать мне в расследовании, поэтому вы должны быть в… адекватном состоянии.

– Я?! Помогать в расследовании?.. Но как? Я ведь ничего в этом не понимаю, – растерянно пробормотала она.

– Зато я понимаю все. Доверьтесь мне. Вы будете только посвящать меня во все подробности и тайны вашей семейной жизни, остальное я беру на себя. А сейчас обменяемся телефонами, и я поехала.

Я вышла из ее машины и двинулась к своей машине, оставив женщину в недоумении. Что ж, отправляемся на улицу Ломоносова знакомиться с бабушкой и внуком.

Глава 2

По дороге я рассуждала о сведениях, данных мне моей новой клиенткой. Кстати, как быстро я ее подхватила! Спасибо Мельникову. Вот так заглянешь иной раз к другу на огонек, а выйдешь с новым делом в кармане.

Итак, что мне не понравилось в беседе с Маргаритой Игоревной? Она сказала: «Сын не умеет обращаться с оружием. Я, кстати, тоже». Я сразу подумала, что это очень сомнительно, но спорить с ней не стала. Почему сомнительно? Дочь полковника в отставке, военного человека, прошедшего Афган, – и это как минимум. Такие серьезные ребята, как правило, учат своих близких родственников обращаться с оружием. Считаю, что мадам Удовиченко меня обманула. Чтобы такой боевой дядька – полковник – и не научил дочь и тем более внука стрелять – верится с трудом. Я знаю одну семью – там отец тоже был в горячих точках и тоже имеет наградное оружие. Так вот он научил хорошо стрелять не только свою жену, но и двенадцатилетнего сына, и своих родителей. По-моему, у них дома стрелять умеет даже собака. Этот человек считает, что в жизни случиться может все, поэтому пригодиться тоже может все, любые знания и навыки. И я с ним согласна.

Итак, для начала возьмем заявление моей клиентки под сомнение и обязательно потом проверим. Как? Спросим самого сыночка Женечку – это раз. Спросим кого-нибудь из его институтских друзей – это два. Наверняка он хвастал им, как дед учил его палить по банкам где-нибудь в лесу на даче.

Еще мне предстоит выяснить, как хранилось оружие в доме Маргариты Игоревны, кто имел доступ к этому сейфу, кроме нее и мужа, и вообще узнать побольше о всей семейке. Ну, вот не верится мне, что ее глава взял да и пальнул в свою любовницу от избытка чувств. Почему не верится? Во-первых, Мельников сказал, что мужчине сорок восемь лет. А если человеку под пятьдесят, значит, это его последняя любовь. А последняя любовь, как известно, самая сильная! Вряд ли он стал бы убивать такую красотку, к тому же подарившую ему в его не столь юном возрасте море блаженства. Обычно такие мужчины дорожат своими молодыми любовницами. Я, скорее, поверю, что это сделал сын: юности больше свойственна категоричность: «Или ты моя, или ничья!»

Далее. Папаша работает начальником кредитного отдела коммерческого банка. Хорошая должность, скажу я вам, и зарплата у него нехилая. Может, и не министерская, но и не двадцать же тысяч! Имея такую должность, зачем ему так рисковать свободой – стрелять в девушку, зная, что его наверняка посадят, причем на длительный срок? Тогда и карьере его конец, и семья останется без кормильца. Хотя, конечно, не совсем без кормильца: все-таки у супруги свой магазин, но тем не менее… Да, сомнительно, очень сомнительно, что стрелял именно он… Хотя… как знать!..

В это время я заметила, что подъехала к дому номер сто пятьдесят девять. Это была новая кирпичная десятиэтажка. Я подрулила к первому подъезду и поставила машину возле крыльца. Набрав на домофоне «девять-В», я стала ждать.

– Кто там? – раздался из микрофона приятный женский голос.

Я представилась, тут же из переговорного устройства послышался тихий писк, и я потянула за ручку двери.

Квартира под номером девять находилась на третьем этаже. Я не стала дожидаться лифта, поднялась пешком. В дверях нужной мне квартиры стояла пожилая, лет шестидесяти пяти, может, чуть больше, женщина в домашнем платье с длинными рукавами и фартуке. Мы поздоровались.

– Проходите. Маргарита звонила мне, предупредила о вашем визите… Вам не трудно будет надеть тапочки? Я сегодня вымыла полы…

Вскоре мы с Серафимой Аркадьевной сидели за обеденным столом просторной кухни и пили кофе. Я успела заметить, что квартира семьи Удовиченко была шикарной: евроремонт, добротная мебель, постеры на стенах, натуральные ковры, шторы из муара и жаккарда. Да, квартирка-то ничего, уютное гнездышко! А домработницу, как я поняла, решили больше не нанимать, справляются своими силами. Оно и правильно: и в материальном плане выгодно, и воровать некому. Да и на мужчин никто не посягает.

Пока Серафима Аркадьевна заваривала кофе, я рассмотрела и ее. Это была довольно высокая статная дама, несмотря на почтенный возраст, тщательно следящая за собой: ее длинные, крашенные хной волосы были аккуратно уложены в прическу, на руках красовался маникюр, на лице – легкий макияж. Золотые украшения – сережки, цепочка, кольца – и строгого покроя платье делали эту женщину похожей на графиню. Аристократические манеры дополняли этот образ. Про себя я так и стала ее называть – графиня.

Между тем я приступила к тому, зачем, собственно, и приехала сюда, – к расспросам:

– Серафима Аркадьевна, скажите, пожалуйста, вы ведь хорошо знали домработницу вашей дочери Карину?

Женщина поставила передо мной чашку с блюдцем, в которую предварительно налила хорошо сваренный ароматный кофе.

– Лучше бы нам не знать ее вообще! – отрезала она, усаживаясь напротив меня за стол.

– Я понимаю, – кивнула я, помешивая ложечкой сахар в чашке, – девушка доставила вам столько неприятностей…

– Неприятностей? – подчеркнуто удивленно переспросила графиня. – Это вы называете неприятностями, то, что она сделала с семьей моей дочери?! Мерзавка!.. Я понимаю, что вы скажете: о мертвых либо хорошо, либо… правду, как говорили древние. Так вот, я скажу вам правду: эта девка была настоящей дрянью! Я тогда сразу сказала дочери: не вздумай брать ее в дом! У нее же на лице написано, что она – непорядочная. И потом, пускать в дом молодую красивую девушку… да, да, покойница была очень недурна собой!.. Так вот, я была против. Я советовала дочери взять кого-нибудь постарше и, главное, пострашнее на вид. Но она меня не послушала! Маргарита вообще упрямая. Она стала что-то говорить об экономии… Доэкономилась, одним словом!..

Серафима Аркадьевна сидела за столом прямо, как будто проглотила кол. Неторопливыми красивыми движениями она брала то конфетку из вазочки, то ложечку, чтобы помешать кофе. Она производила впечатление гордой, уверенной в себе женщины. Время от времени она предлагала мне то печенье, то конфеты. Я кивала, благодарила, исподтишка наблюдая за ней и не забывая задавать вопросы.

– Значит, она вам не нравилась, – подытожила я.

– А как она могла мне нравиться?! – удивленно переспросила женщина. Вообще, мне казалось, что она была возмущена до предела, но усилием воли сдерживала себя. – Убиралась она из рук вон плохо, это раз. Я, когда бывала в доме моей дочери, всегда указывала ей на грязь, которую оставляла эта так называемая горничная. Повсюду пыль, в углах – паутина, ковры все в крошках… Безобразие! Только моя легкомысленная дочь могла смотреть на все это сквозь пальцы да еще платить деньги за такую, с позволения сказать, работу!

– А что во-вторых? – спросила я.

– Во-вторых, она приворовывала деньги. Моя дочь должна была рассказать вам об этом. Как можно держать в доме прислугу-воровку? В-третьих, готовила… ну, не ахти как. К тому же у нее все вечно подгорало, стаканы были в потеках… Вот прежняя домработница Зина – вот это была чистюля! И готовила весьма, весьма неплохо…

Серафима Аркадьевна принялась нахваливать Зину, которая работала здесь сто лет назад, но я повернула разговор в нужное мне русло, иначе эта словоохотливая графиня до вечера будет морить меня своей болтовней.

– Скажите, когда ваша дочь узнала, что ее супруг имеет связь с вашей горничной, она сильно расстроилась?

– Ой, Татьяна, ну как вы можете такое спрашивать?! Как бы вы себя чувствовали на ее месте?

– Я бы, при моем взрывном характере, просто грохнула обоих на месте! – выдала я пылко.

– Нет, Маргарита у меня не такая, – вздохнула Серафима Аркадьевна, как будто сожалела, что ее дочь не пристрелила мужа-изменника вместе с любовницей прямо там, в спальне. – Она у меня выдержанная. Она, конечно, накричала на эту девку и тут же выгнала ее с треском, но – и только! Виталию досталось, как я считаю, вообще слабо: она не разговаривала с ним неделю, а потом как-то потихоньку они помирились, хотя, что там говорить, отношения все равно уже не были такими, как раньше. Ведь моя дочь вышла замуж по большой любви, считай, наперекор нам с отцом. Да, мы были не слишком-то рады их браку: он тогда был захудалым инженеришкой в одном забытом богом НИИ. Мизерный оклад, скромная однокомнатная квартирка, доставшаяся ему от покойной прабабушки, машина-развалюха… Между прочим, в банк Виталия устроил работать мой муж, но это уже много позже. У него там были связи – старый знакомый по Афгану… Но наш зять молодец: в банке он сумел проявить себя. Довольно быстро пошел на повышение. Потом перевелся в другой банк, коммерческий…

– Мне кажется, вы все-таки хорошо относитесь к вашему зятю, – предположила я.

– К Виталию? Да, со временем мы поняли, что он – порядочный человек, он любит нашу дочь и все старается сделать для ее благополучия. А уж когда родился Женечка!.. Нет, нет, я довольна своим зятем. Ничего плохого сказать о нем не могу. Представляете, он меня даже мамой называет, – с улыбкой добавила графиня, разворачивая очередную конфетку.

– Скажите пожалуйста! – восхитилась я. – Это такая редкость. Немногие тещи могут похвастаться этим.

– Да, да, это когда десять лет назад умерла его родная мама, он стал меня так называть… Нет, он очень положительный человек, правда. То, что его обвиняют в смерти этой… В общем, это полный бред! Виталий не мог, я в этом уверена. Он в первую очередь всегда думает о семье… как бы там ни было. Он мог иметь любовницу, я это всегда допускала… Чем он, в конце концов, лучше других мужчин?.. Но убить!.. Насколько я поняла Маргариту, вас, Татьяна, она наняла именно затем, чтобы вы его освободили?

– Ну, лично я не могу его освободить, я вашего зятя не задерживала, а вот помочь в его освобождении – это да. Если, конечно, найду доказательства его невиновности.

– А вы их найдете? – с надеждой в голосе спросила Серафима Аркадьевна.

– Надеюсь, что да. Но для этого я должна собрать как можно больше сведений обо всех членах вашей семьи. Поэтому я и задаю вам вопросы и надеюсь на искренние ответы.

– Да, да, я понимаю… Я где-то слышала: вам, как доктору, надо говорить всю правду.

Я кивнула:

– Скажите, Серафима Аркадьевна, а то, что ваш зять продолжал встречаться с вашей бывшей домработницей после ее ухода?..

– Ну и что?! – возмущенно вскрикнула Серафима Аркадьевна, перебив меня. – Подумаешь, событие – имел любовницу! Милая моя, да они все имеют любовниц, поверьте мне. Я – женщина в возрасте, я жизнь, можно сказать, прожила. Мне уже шестьдесят семь, и я прекрасно вижу, когда мужчина просто увлечен, а когда любит серьезно. Вот мою дочь он любит. Иначе не прожил бы с ней двадцать два года. А эта девка… Татьяна, вы, извините, замужем? Нет? Так вот что я вам скажу, милочка, вам это все равно когда-нибудь пригодится…

Серафима Аркадьевна заговорщицки понизила голос, как будто готовилась сообщить мне военную тайну, немного наклонила ко мне голову и выдала:

– Все мужчины после сорока пяти испытывают кризис. Они начинают понимать, что дело понемногу идет к старости, их сексуальная активность к этому времени, как правило, падает, и это их страшно пугает, страшно! Они судорожно начинают искать то, что способно вернуть им былую резвость и самцовую прыть. Многие начинают покупать виагры и прочую отраву, а другие заводят себе молодых подруг. Глядя на молоденькую, ведь легче вообразить, что ты и сам молод и полон энергии. И это помогает, поверьте! Поэтому они так и держатся за этих дурочек, это заменяет им таблетки. А те думают, что их действительно любят. Хм, наивные! При чем здесь любовь?! Мужчины ведь по натуре – существа слабые. Поэтому им просто необходимо подтверждение их силы, таланта, ума, успеха и всего такого прочего. Это придает им уверенности в себе. Понимаете?..

Я кивнула.

Женщина тяжело вздохнула и задумчиво повторила:

– …Поэтому они и заводят молодых любовниц… Хорошо еще, что у Виталия хватило ума не уйти из семьи…

Я внимательно посмотрела на графиню. Она сказала это задумчиво и как-то уж очень печально, так, словно проблемы ее дочери с ее мужем расстраивали ее неимоверно. В то же время мне показалось, что ей было очень жаль их обоих – и свою дочь, и зятя.

– Скажите, Серафима Аркадьевна, а вот пистолет, который ваш супруг зачем-то оставил в доме вашей дочери, он где лежал?

– В спальне моей дочери и Виталия, в комоде есть сейф. Там зять держал крупные деньги и пистолет тоже. Хотя очень уж больших денег там никогда не было, ну, разве что несколько десятков тысяч. У него ведь есть счет в банке. А пистолет… да, его, когда они переехали сюда, в эту квартиру, сразу положили в тот сейф.

– Он запирается на ключ или имеет кодовый замок? – уточнила я.

– Кодовый. Причем его ведь никто не знал, только Виталий и Маргарита. Поэтому, когда стали пропадать деньги, моя дочь очень удивилась. Ну, не мог же, в самом деле, Виталий воровать их!

– Почему?

– Да это просто нелепость! Зачем ему брать деньги из сейфа, когда он может снять их со своего счета и при этом не иметь разборок с женой?!

– Да, это разумно, – кивнула я. – Но кто же тогда брал эти деньги, не ваш же внук?!

Я внимательно посмотрела на женщину. Как она отреагирует на мой намек на обвинение ее внука?

– Понятия не имею, – пожала плечами Серафима Аркадьевна. – А Женечка, не думаю, чтобы он смог это сделать! Он не такой. Он – честный и правдивый мальчик. Если бы ему нужны были деньги, он просто попросил бы их у матери или отца, они же ему практически никогда не отказывали! Единственный сын как-никак… Нет, мальчик не мог. Да и потом, дочь говорила мне, что они с мужем не сообщали мальчику код сейфа. Сами понимаете: все-таки там оружие…

– Скажите, а где учится ваш внук? Ведь он студент, насколько я знаю.

– В Академии права. На третьем курсе. Он довольно способный мальчик, – сдержанно сказала моя собеседница. – Серьезный, ответственный… Кстати, скоро у него заканчиваются занятия, он придет домой обедать.

– Это хорошо. Мне надо будет обязательно побеседовать и с ним, – сказала я.

– А-а… Может, вам еще кофе? – спросила Серафима Аркадьевна, заглянув в мою чашку.

– Не откажусь.

– Вы, я вижу, тоже его любите, – улыбнулась она, – сейчас я налью вам…

– Скажите, Серафима Аркадьевна, ваш супруг, кажется, получил пистолет в награду? – задала я свой очередной вопрос, чтобы не тратить времени даром.

– Да, он исполнял свой интернациональный долг в Афганистане. Был там трижды ранен, имеет награды… А «макарова» получил за то, что вызвался прикрыть своих товарищей, когда те отходили… Там был неравный бой… Господи, как я не люблю это вспоминать!.. Мой муж тогда чудом остался жив. «Духи» напирали, их было человек сорок, а наших ребят осталось только восемь… Муж приказал им отступать, так как патроны у них закончились, а сам остался прикрывать их. Благодаря этому те семь ребят остались живы…

– А он сам? – спросила я.

– Был тяжело ранен. Но помощь все-таки подоспела… Он тогда три месяца пролежал в госпитале. Вот его и наградили…

Серафима Аркадьевна снова вздохнула, должно быть, ей действительно тяжело было вспоминать те события, но она старалась не подавать вида. Мужественная она, однако, женщина.

– Наверное, он научил всех вас стрелять из этого пистолета, – предположила я.

– Не всех. Вернее, учить-то он нас учил, но ни я, ни дочь терпеть не можем брать оружие в руки. Особенно я. Да и мой внук, как ни странно, тоже. Муж еще ворчал по этому поводу: «Что за парень растет?! Ботаник!..» Нет, я считаю, хватит с нашей семьи одного военного. Это же так тяжело – быть женой офицера! Вы, Татьяна, не представляете… Ждешь его из «горячих» точек и гадаешь: убьют в этот раз или только ранят? А может, уже лежит в госпитале без руки или ноги… Нет, не дай бог!.. Хорошо, что дочь вышла за гражданского, да и внук молодец, что не пошел по стопам деда.

– Значит, кроме вашего зятя, стрелять из пистолета никто не умеет? – подытожила я.

– Фактически, да. Да и Виталий… Ну, когда он стрелял? Когда еще служил в армии, тридцать лет тому назад?.. Нет, эту распутницу грохнул кто-то другой. Вот увидите, Татьяна, когда найдут настоящего убийцу, это окажется совершенно посторонний человек. Ведь неизвестно, возможно, у нее был еще любовник. От таких девочек всего можно ожидать.

Да, ее дочь сказала то же самое. Наверняка они обсуждали это, строили предположения… Однако, чтобы прикончить девушку в упор, не обязательно быть снайпером. Ткнул ствол ей в грудь, нажал курок – вот и вся наука.

– А вы теперь живете у дочери? – спросила я.

– Да, но это временно. Я только хочу поддержать ее в трудную минуту, пока Виталий в КПЗ. Наступает лето, мне пора уезжать жить на дачу… Я там насажала всего… Надо теперь все поливать, да и трава прет – не успеваешь полоть. Так что Маргарите, наверное, придется все-таки нанять себе домработницу, а я отправлюсь на дачу. Мне никак нельзя ее запускать: частенько они все трое приезжают туда на выходные отдохнуть. А я выращиваю для них всего понемногу…

Серафима Аркадьевна еще какое-то время рассказывала о своей даче, но я слушала ее вполуха. Меня не покидало ощущение какой-то несостыковки. Я чисто интуитивно чувствовала, что что-то с чем-то не вяжется, но что именно – не могла понять. Ладно, решила я, обдумаю все дома, а пока буду только собирать информацию.

Пока мы вели беседу, незаметно пролетело время. Вот часы пробили три, и вскоре в дверь позвонили.

– Это Евгений! – Серафима Аркадьевна встала из-за стола и пошла открывать внуку.

Через минуту в дверях кухни возник молодой человек. Он был довольно высок и строен. Я так поняла, что статью он пошел в бабушку. Симпатичная мордашка и фирменные джинсы с ветровкой делали парня весьма привлекательным. «Наверное, девчонки-ровесницы просто тащатся от него», – подумала я.

– Татьяна, познакомьтесь: это – мой внук Евгений. Евгений, это – Татьяна, частный сыщик. Мама наняла ее, чтобы она помогла оправдать твоего папу.

Молодой человек прошел в кухню, присел за стол.

– Куда? А руки мыть? – возмутилась графиня.

– Бабушка, подожди, я еще ни разу не видел частного сыщика живьем, – сказал молодой красавец, довольно нахально рассматривая меня, – тем более такого симпатичного.

– Вот переоденешься, вымоешь руки, тогда сядешь с нами за стол и смотри сколько хочешь, – строго сказала графиня.

– Ладно, ладно, уже иду…

Молодой человек удалился, а Серафима Аркадьевна горестно вздохнула:

– Ну и молодежь пошла! Вот поколение моей дочери так себя не ведет со старшими, а эти!..

Когда Евгений снова предстал пред наши очи, он выглядел несколько иначе: на нем были линялые джинсы, обрезанные под бриджи, и растянутая домашняя футболка, а на ногах – тапки довольно большого размера. Он сел за стол, и бабушка поставила перед ним тарелку с супом и хлеб. Она предложила отобедать и мне, но я, поблагодарив, отказалась.

Я дождалась, пока молодой человек с аппетитом съест свой обед, и начала задавать вопросы и ему:

– Скажите, Евгений, вы, кажется, учитесь?

Я заметила удивленный взгляд Серафимы Аркадьевны. Конечно, ведь я уже задавала ей этот вопрос, но мне надо было как-то начать беседу с молодым человеком.

Он кивнул и попросил бабушку налить ему кофе.

– А второе разве не будешь? – удивилась она.

– Потом, попозже, – отмахнулся Евгений.

Графиня налила внуку кофе. Он принялся за него, внимательно посматривая на меня. Ладно, усмехнулась я про себя, пусть мальчик полюбуется на частного сыщика живьем, главное, потом выудить из него то, что мне надо.

– А на каком вы курсе? – снова спросила я. – Наверное, уже заканчиваете?

– Заканчиваю, – притворно-серьезно кивнул Удовиченко-младший и добавил немного погодя, – пока только третий курс.

– Да? – словно бы удивилась я. – А выглядите более зрело.

Я заметила, что мой комплимент пришелся молодому человеку по душе. Он даже гордо выпрямил спину.

– А вы, Татьяна, правда частный сыщик? – в свою очередь спросил он.

– Нет, понарошку. На самом деле я работаю дворником.

Он, оценив мой юмор, улыбнулся:

– А как вы собираетесь вытащить папу из КПЗ?

– Очень просто: соберу сведения обо всех людях и событиях, которые имели место быть в последнее время… Вот вы, например, Евгений, насколько мне известно, продолжали поддерживать отношения с Кариной после… ее ухода из вашего дома?

Улыбка молниеносно соскочила с лица молодого человека. Он посмотрел на меня недовольно, потом бросил мимолетный взгляд на бабушку, потом снова на меня.

– Спасибо, я поел, – сказал он, глядя мне в глаза, при этом обращаясь, как я поняла, к бабушке. – Я пошел к себе.

Он встал из-за стола, повернулся и быстро вышел из кухни. Графиня посмотрела на меня испуганно:

– Татьяна, зачем вы вот так… прямо в лоб?..

– Извините, Серафима Аркадьевна, – сказала я, тоже вставая, – так надо. Покажите мне, пожалуйста, его комнату.

Евгений лежал на тахте с наушниками на голове. Он посмотрел в мою сторону и отвернулся к окну. Я зашла в его комнату и закрыла за собой дверь, чтобы графиня не могла слышать наш разговор.

Молодой человек не повернул головы. Понятно, значит, разговаривать мы не хотим! Ну, что ж, придется прибегнуть, так сказать, к превентивным мерам. Я подошла к Евгению и сдернула с него наушники. Он посмотрел на меня не то испуганно, не то удивленно:

– Татьяна, а вы уверены, что имеете право так поступать? – вскрикнул он.

– Евгений, ваш папа, как вы сами сказали, сидит в КПЗ. Разве вы не хотите помочь ему выйти оттуда, причем побыстрее? – спросила я, опускаясь на стул около его тахты.

– А что я могу? Разве от меня что-то зависит?

– Я просто хочу поговорить с вами, а вы должны ответить на мои вопросы.

– Между прочим, в полиции меня уже допрашивали «под протокол», задавали мне всякие дурацкие вопросы. Теперь вы будете делать то же самое?

– Евгений, давайте для начала перейдем на «ты», – неожиданно для него предложила я.

Он посмотрел на меня удивленно. Наверное, я в его глазах выглядела довольно взрослой теткой, которой уже «под тридцатник», у которой муж, дети и все такое. Он помедлил минуту, потом пожал плечами и неохотно сказал:

– Ну, давай. Только это ничего не изменит.

– Конечно, не изменит, но так проще. Итак, скажи, пожалуйста, в каких отношениях ты был с Кариной, вашей бывшей домработницей?

Он посмотрел на меня недовольно. Разумеется, этот вопрос был ему неприятен.

– Ни в каких! – отрезал он наконец.

– Но ведь ты приходил иногда к ней… в гости?

– Ну, приходил! – вдруг взорвался он. – И что из этого? Мы… дружили.

– Да бога ради! Дружили и дружили… Нормально! Но мне нужно знать другое: в тот день, когда ее убили, ты ведь был там? Я имею в виду, на ее квартире?

Он помолчал, поглядел в окно, потом, наверное, решил, что я все равно от него не отстану, и потому тихо сказал:

– В тот день я там не был.

– Извини за банальный вопрос…

– На банальные вопросы я отвечать не буду, – отрезал Евгений недовольно.

– Ты ведь учишься в Академии права, – напомнила я ему, – и ты должен знать, что в таком деле важны любые детали. Я задаю тебе вопросы не из праздного любопытства, а потому, что мне просто необходимы сведения, которые помогут восстановить картину того дня. Всю, до мельчайших подробностей. Я хочу знать, кто был в тот день у Карины, чем эти люди занимались, почему кому-то – заметь, я не говорю: твоему отцу, я говорю кому-то – вдруг захотелось выстрелить в девушку? Евгений, помоги мне и своему папе. Ему ведь сейчас там очень несладко, поверь.

Я смотрела на молодого человека и ждала. Он молчал. Потом сказал нехотя:

– Я ничего не знаю. Я в тот день не был у нее, я же сказал!

– А накануне?

– Не помню, может, и был.

– А чем ты занимался в тот день? С кем проводил время?

– Вам что, алиби мое нужно?! – снова взорвался Евгений, забыв, что мы договорились перейти на «ты». – С друзьями я был, с институтскими друзьями, понятно?! Все! Больше ничего не скажу! Надоело! Менты… Пардон, полицейские лезли со своими дурацкими вопросами, теперь еще одна выискалась! Что вы вообще понимаете? Почему вы все ее осуждаете? «Шалава, дрянь, мерзавка…» Она нормальная была, ясно вам?! И ничего из дома не воровала!

– А ты откуда это знаешь? – тут же ухватилась я за последнее его высказывание. – Твоя мама и бабушка, например, считают иначе.

– Да они ее просто не знают!

– Но ведь и вещи, и деньги действительно пропадали у вас из дома?

– А кто сказал, что их брала Карина? Кто?! Да она честнее всех, между прочим! Она здесь вкалывала по десять часов, каждый день у плиты стояла, со шваброй по дому бегала, вылизывала тут все – полы, сантехнику, а мама, знаете, сколько ей платила? Копейки! Так нечестно. Потом еще и воровкой ее объявила…

– А кто же тогда брал украшения, как, по-твоему?

– Не знаю! Я что, караулил их? Да у мамы их столько… полная шкатулка! Три цепочки, десять колец, шесть пар сережек, браслеты там… не знаю сколько… Зачем одному человеку такое количество побрякушек, вот скажи мне!

– Евгений, а тебе не кажется, что человек вправе покупать себе столько вещей, сколько сочтет нужным. Твоя мама не украла эти кольца и цепочки, а купила на честно заработанные деньги. Ты согласен? Много их или мало – не нам с тобой судить.

– Да, а Карина тоже вкалывала не меньше мамы, но получала копейки и ничего не могла себе купить: ни колец, ни браслетов, – пылко сказал юноша.

– А твоя мама сказала мне, что, когда Карина уходила от вас, вещей у нее было намного больше, чем когда она приходила. Значит, и она заработала себе за это время кое-что.

Я выжидательно смотрела на молодого человека. Он молчал, и на лице его было написано недовольство.

– Так, значит, в тот день ты у нее не был, – подытожила я. – Хорошо, я это проверю…

– А ты еще и проверять будешь мои слова?

– А как же! А может, ты мне врешь? И если врешь, значит, тебе есть что скрывать, – многозначительно закончила я.

– Да проверяй!

– Обязательно проверю. Кстати, в какой группе ты учишься?

Он посмотрел на меня недовольно.

– В хорошей группе, – усмехнулся он.

– Ну, в хорошей так в хорошей, – спокойно согласилась я и встала: – Пора мне: дела…

Я вышла из комнаты и заглянула на кухню. Графиня сидела за столом, раскладывая пасьянс.

– Серафима Аркадьевна, я с вашим внуком поговорила, – сказала я, – и мне пора. Спасибо за кофе, думаю, мы с вами еще увидимся.

– Маргарита звонила только что. Сказала, что подъехать не может, будет только вечером, после восьми.

– Ну, вечером так вечером. Я ей позвоню.

Графиня пошла провожать меня в прихожую.

– Татьяна, а вы точно сможете помочь Виталию? – спросила она, наблюдая, как я обуваю кроссовки.

– Смогу, несмотря на то что некоторые не хотят посодействовать мне в этом. – Я многозначительно посмотрела на дверь комнаты ее внука.

– Что? Женя не хочет?.. О, боже! Как он может?! Я поговорю с внуком, – многообещающе сказала Серафима Аркадьевна, в чем я, в общем-то, и не сомневалась.

Я попрощалась с ней и вышла в подъезд. Теперь мне предстояло вернуться домой, все хорошенько обдумать и сделать первые выводы. СПА-салон, о котором я успела помечтать утром, накрылся, но тут уж ничего не попишешь: новое дело требовало жертв.

По дороге я специально старалась не думать о том, что узнала в первый день моего расследования. Я любила размышлять дома за чашечкой кофе, неторопливо, аккуратно рас-

кладывая все по полочкам. А еще хорошо бы бросить кости, посмотреть, что из всего этого может выгореть. Все-таки освободить человека по «огнестрельной» статье было делом весьма непростым, и я несколько даже блефовала, говоря всем, что сделаю это на раз. Просто мне не хотелось упустить очередного клиента. Кто знает, когда еще появится следующий?

Неожиданно мне в голову пришла мысль снова наведаться к моему другу Мельникову. Когда я была у него утром, он сказал, что заключение патологоанатома ему еще не принесли. А сейчас почти вечер. Может, заключение уже у него?

Не сбавляя скорости, я одной рукой достала мобильник из сумки и включила набор номера Андрея.

Вскоре в трубке раздался его мужественный голос:

– Мельников слушает.

– Андрюш, это я… Ты там не очень занят?

– Очень.

– Тогда я подскачу ненадолго…

– Я же сказал: очень занят!

– Так потому я и ненадолго…

Я повернула машину на улицу, ведущую к зданию РОВД.

Он сидел в своем кабинете за столом, заваленном папками и бумагами. Я зашла, постучавшись, и увидела, что Мельников один и сосредоточенно читает какой-то документ. Я решила понапрасну не отнимать время у занятого человека и, сев напротив, сразу приступила к делу:

– Слушай, Андрюш, у меня к тебе один вопрос: что там с пистолетом? Его нашли?

Он посмотрел на меня сначала отрешенно, потом, как будто вспомнив что-то, кивнул:

– Ты об убитой домработнице… Вообще-то ты задала два вопроса, но, так и быть, я отвечу, я сегодня добрый. Нет, мать, пистолет мы не нашли. Убийца, очевидно, унес его с собой.

– А что говорит сам подозреваемый? Как у него насчет алиби?

– Ага, еще два вопроса. Ладно, так и быть, отвечу тебе и на них: никак. Нет у него никакого алиби, потому мы его и задержали. Где он был в момент преступления, не говорит. Хм, очевидно, не придумал еще для себя отмазку… Слушай, мать, а что ты все выспрашиваешь, а? Заехала второй раз за день…

– Андрей, мне нужны кое-какие сведения по этому делу.

– Зачем? – насторожился Мельников.

– Ты будешь смеяться, но я взялась за него.

– Ты хочешь сказать, что мадам Удовиченко наняла тебя? – Мой друг вскинул брови.

– Работа в полиции сделала тебя очень догадливым.

– А откуда ты узнала ее адрес? Как ты вообще смогла выйти на нее, я тебе никакой информации не давал.

– Представляешь, оказалось, что я с Удовиченко Виталием училась в одном классе, – сказала я с самым невинным видом и похлопала для убедительности ресницами.

– Да? – еще выше вскинул брови мой друг. – Может, и за одной партой сидела?

– Сидела. В пятом классе. Честное слово! Веришь?

– Конечно, верю! Я вот тоже с Путиным в один детский садик ходил. Помню, мы с ним даже с горки вместе катались…

– Вот видишь, как нам обоим повезло: еще в детстве мы завели такие полезные знакомства!

– Да, мать, тебе-то можно хохмить: на тебе одновременно пять-шесть дел не висит.

– А на тебе висит?

– Только что шестое подкинули, – вздохнул Мельников, кивнув на стол.

– Что-то серьезное?

– Да как тебе сказать?.. И да, и нет. Какие-то два наркоши грабят женщин на улице поздно вечером. Бьют по голове, отнимают сумочки, украшения, снимают что-нибудь дорогое из одежды. Зимой, например, меховые шапки снимали. Года полтора уже хулиганят ребятишки, а мы все никак на них выйти не можем. Пока они еще никого не убили, так ведь это пока…

– Ну, так чего лучше! Давай я тебе помогу раскрыть это дело – с застреленной домработницей. И тебе подмога, и мне хорошо – заработаю…

– Да я что, против? Только ведь ты будешь мне мешать, я тебя знаю!

– Я?! Мешать?! Никогда! Вот смотри: сейчас получу нужные мне сведения и тут же испарюсь!

Он вздохнул и почесал за ухом:

– Ну, говори, что еще тебя интересует.

– Скажи, почему ты считаешь, что алиби у Удовиченко нет?

– Потому что его нет! Когда мы этого банкира в первый раз спросили, где он был в тот день, он ответил, что на квартире, которую снимал для этой стрекозы, он не был вообще, весь день, мол, провел в кругу семьи. А когда мы это опровергли с помощью бабушки-соседки, которая опознала этого субчика, тот стал изворачиваться, говорить, что ничего не помнит… Короче, память он тут же потерял и до сих пор не может толком сказать, где был в момент убийства.

– А может, он был в таком месте, что ему и сознаться стыдно?

– Ты имеешь в виду гей-клуб?

– Ну, так далеко я бы не стала заходить…

– Где бы он ни был, но раз не говорит об этом, значит, будет сидеть в КПЗ. Пока не вспомнит.

– Андрюш, почему ты так предосудительно относишься к Удовиченко? – возмутилась я. – Ведь еще неизвестно, может, человек не виноват?!

– Потому что он лгун. Зачем он соврал, что вечер провел в кругу семьи? Видела бы ты его лицо, когда мы это опровергли! Он так смутился! Потом вообще замкнулся и теперь молчит как рыба об лед.

– Обыск в квартире вы, разумеется, сделали.

– Само собой. И само собой, что пистолета там мы не нашли. Он же не дурак, этот твой Удовиченко, – как-никак начальник отдела в банке! Спрятал пистолетик и теперь придумывает, как бы побыстрее выпутаться.

– Нет, Андрюша, мой Удовиченко, я думаю, не виновен. Если бы это он спрятал пистолет, я бы его в два счета нашла, а так…

– Ты у нас, мать, конечно, профи, я не спорю, но, боюсь, тут ты сделала промашку: сдается мне, пальнул твой подзащитный в девушку, пальнул в хорошую. Понятное дело, по обстоятельствам, а не со зла, но тем не менее…

– Андрюш, а поговорить с подозреваемым дашь? – Я просяще-заискивающе посмотрела на Мельникова.

– Ишь, чего захотела! – возмутился он, но меня это не смутило: он всегда сначала возмущается на такую просьбу.

– Андрюш, всего только две минуточки!..

– И не проси!

– Полторы!..

– Тань, ты ведь прекрасно знаешь, что не положено.

– Андрюш, у нас много чего не положено! И при этом всеми на все положено. Одну минуточку разговора! В твоем присутствии, разумеется. А я тебе за это такую информацию солью – пальчики оближешь!

– Да ладно! Что такого особенного ты мне можешь сказать, ты же только что приступила к расследованию?

– А это секрет! Пока… Вот дашь поговорить с господином Удовиченко, скажу тебе, кто еще в тот день был в квартире мадмуазель Карины.

– Ой, мать, ну, ты из меня просто веревки вьешь! Кстати, откуда ты-то это знаешь?

– Что, угадала? – Я победно смотрела на моего друга.

– Да. В заключении эксперта так и сказано: обнаружены пальчики нескольких лиц, среди которых Удовиченко-младший… Что, он? Не скажешь? Ладно…

– А сейчас просвети меня, пожалуйста, на предмет повреждений на теле убитой. Надеюсь, заключение патологоанатома уже у тебя?

– Да нет там никаких повреждений! Ну, разумеется, кроме дырки в груди. Синяки на запястьях и предплечье тоже не особо заметные. Короче, серьезной драки там не было. Пальнули в девчонку, и все.

– Но кое-какие синяки все же имеются? – решила уточнить я.

– Да, но не сильные. Если и была борьба, то так… в легкую.

– Но была! Это – главное.

– Может, она их во время полового акта получила. Может, этот Удовиченко-старший темпераментный и хватал ее за руки? Так что не факт, что застрелил тот, кто наставил ей синяков.

– А что говорит сам подозреваемый? Ты ведь его допрашивал?

– Даже два раза. Сознался, сердешный, что да, был в тот день у любовницы, любовью, говорит, занимались, по обоюдному согласию, разумеется. Денег ей оставил – пять тысяч. Потом кофе на кухне пили… Поругались, но не очень бурно.

– Это у него называется «не очень бурно»? Ты говорил, что соседка слышала скандал и даже в стену стучала. А из-за чего поругались?

– Удовиченко-старший якобы требовал, чтобы девица оставила в покое его сына. Тебе, мол, что, меня одного не хватает? А она уверяла, что с сыном дел не имеет. Он не поверил, знаю, говорит, что он тоже к тебе ходит. Ну, в общем, из-за этого и ругались. Потом, по его словам, он ушел, ушел задолго до убийства. Остаток вечера был дома. Но это не подтвердилось. Жена сказала, что домой в тот день вернулась поздно: у них в магазине была инвентаризация. Сын был с друзьями на дискотеке, так что его дома тоже не было. Получается, нет у нашего банкира никакого алиби…

– А теща?

– Теща, как назло, в тот день ездила на дачу и ночевала там. А разозлиться на любовницу из-за того, что встречается и с ним, и с сыном, Удовиченко вполне мог. Выхватил в запалке пистолет…

– Нет, Андрюша, из-за этого он не мог ее убить. Он ведь и раньше знал, что она привечает у себя и сына, но почему-то раньше он ее из-за этого не убивал!

– Ладно, мать, некогда мне тут с тобой дискуссии проводить. Завтра в десять допрос нашего банкира, можешь подгребать.

Я вышла из отделения вполне довольной. Вот теперь дома можно за чашечкой кофе обдумать все хорошенько, не торопясь. Я прыгнула в свою машину и отправилась к себе.

Глава 3

Дома я прежде всего решила погадать. Что мне подскажут мои косточки? Я взяла турку, налила в нее воды, заварила кофе, достала мешочек с костями и уселась поудобнее за стол.

Как и предписывали правила, я прежде всего тщательно сконцентрировалась на волнующей меня проблеме. А проблема у меня такая: оправдать мужа моей клиентки, доказать, что в горничную пальнул не он. Я метнула кости, повторив про себя проблему, и посмотрела на цифры, находящиеся на верхних гранях. Выпало: 4 + 20 + 25. Так, посмотрим, что же сие сочетание означает? «В принципе нет ничего невозможного для человека с интеллектом». Во как! «Человек с интеллектом». Ну, что ж, хорошее предсказание, я довольна. А вот теперь подведем итог того, что нам удалось узнать за первый день расследования.

Итак, Татьяна Александровна, что мы имеем? А имеем мы семью из трех человек. Бабушка-графиня пока не в счет: она с мужем-полковником живет отдельно.

Семья нанимает домработницу Карину. Она работает себе, работает, и вдруг в нее влюбляется и сын, двадцатилетний юноша, и отец, сорока восьми лет от роду. Скорее всего, оба признаются ей в любви, она по простоте душевной отвечает обоим.

Ну, и что с того? Это не преступление, а всего лишь аморальный поступок, причем со стороны всех троих. А что нам интуиция шепчет?

А она нам шепчет, что сведений у меня даже для начала очень уж мало. Я знаю только, что эта девушка-горничная теперь убита, что после ее ухода из дома Удовиченко ее частенько навещали два человека – отец и сын. Об этом сказал мне Мельников. И еще знаю, что пистолет на месте преступления найден не был. И тогда полиция сделала обыск в доме Маргариты Игоревны. Но «пушку» не нашли. Вывод один: убийца унес оружие с собой. В таком случае, он его где-то спрятал. Мельников подозревает Удовиченко-старшего, но я с ним не согласна. Как я могу доказать, что убил не он? Только одним способом: найти того, с кем он провел тот вечер. А для этого мне надо поговорить с самим Виталием Яковлевичем, хоть посмотреть, что он из себя представляет, а то составлять портрет человека с чужих слов довольно сложно. Увидеть и поговорить! И такая возможность мне представится завтра утром. Надо убедить его признаться мне, где он коротал тот злополучный вечерок. А пока…

Итак, еще раз. Живет семья из трех человек. Четвертой можно считать девушку-домработницу, которая за гроши работала в доме. Через два года ее выгнали, поймав с хозяином в хозяйской спальне. Хозяин снял ей квартиру, куда сам периодически наведывался… И что? Туда же наведывался и сынок хозяина, очевидно, тоже влюбившийся в эту девушку. А то, что это так, не вызывает сомнения: сегодня в разговоре со мной он ее пылко защищал, даже кричал на меня. Делаем вывод: мальчик жутко влюблен, и даже возможно, это первая в его жизни женщина. Отсюда – такая пылкость и желание защищать возлюбленную. Как он сказал мне? И не просто сказал, а кричал: «Что вы вообще понимаете? Почему вы все ее осуждаете? «Шалава, дрянь, мерзавка…» Она нормальная была, ясно вам?! И ничего из дома не воровала!»

Так, все это хорошо, юноша влюблен, но кто убил девушку? В принципе мог и сам Удовиченко-старший, тут Мельников прав. Застал с сыном и от ревности грохнул. Может, она решила остановить свой выбор на сынуле и объявила об этом отцу? А мог и сынок. Картина та же: застал возлюбленную с отцом и от ревности грохнул. А еще могла и сама мадам Удовиченко, мотив у нее более чем серьезный. И ее как женщину и мать можно понять: и муж, и сын бегают к одной и той же девке, как она выражается, спят с ней, а ей не хочется в сорок пять остаться одной. Столько вместе пройдено, столько всего нажито! Квартирка вон какая – конфетка, а не квартирка! Ее теперь что, делить? Да и в качестве своей снохи видеть эту воровку ей тоже вряд ли улыбалось: девица как-никак на шесть лет старше ее

сыночка, да и репутация ее, прямо скажем, не очень… А так – грохнула эту тварь, и дело с концом! И муж теперь снова с ней, и сын сидит дома. Постепенно все забудется, он найдет себе достойную девушку…

Да, получается, от смерти этой Карины Маргарита Игоревна выиграла больше всех. И особой сложности здесь для нее не было: узнать, где живет соперница, проще простого, взять пистолет из сейфа тоже. Пришла и – ба-бах!… И не верю я, что полковник не научил все свое семейство палить из «макарова»!

Так, теперь бабушка. Пожалуй, из всей семейки она мне понравилась больше всех. Что можно сказать о ней? От гордости за внука бабушка не засветилась. Рассказывала о нем сдержанно, похоже, она умеет объективно оценивать своих родственников. Похвальное качество. И вообще она – умная женщина, тактичная, выдержанная. Еще бы – жена полковника! К событиям тоже относится объективно. Не рыдает, как ее дочь, по поводу ареста зятя и не заламывает руки, хотя любит его, это бесспорно. С Серафимой Аркадьевной вообще приятно иметь дело. Я не удивлюсь, если окажется, что она дворянского происхождения.

И все-таки что-то странное было в ее словах… Но что?..

Нет, пока не могу этого понять, просто интуитивно чувствую какое-то несоответствие чего-то чему-то… Впрочем, ладно, с бабушкой мы разберемся после. Сейчас нам позарез надо вытащить Удовиченко-старшего из «предвариловки». А для этого важно поговорить с ним самим. Вот когда я увижу его лично, я буду иметь о нем какое-то представление.

Итак, единственный вывод, который я для начала сделала, это то, что смерть домработницы более всего была выгодна моей клиентке. А если это действительно сделала она? В таком случае, наняв меня, мадам Удовиченко сильно рискует, ведь для того, чтобы освободить ее благоверного, я вынуждена буду найти настоящего убийцу, то есть отправить за решетку ее саму. И тем не менее она меня наняла… О чем это говорит? Дамочка уверена, что ей ничего не грозит? Возможно, возможно… А еще возможно, что она здесь действительно ни при чем.

Наразмышлявшись вдоволь таким образом, я отправилась принимать душ перед сном.

На другой день я прямо с утра отправилась к Мельникову в отделение. Он, как обычно, писал что-то, сидя за столом. Было ощущение, что он не покидал свое рабочее место со вчерашнего вечера. Меня так и подмывало сказать ему: «А ты почему еще не ложился?»

Я протиснулась на цыпочках в его кабинет; Мельников поднял на меня глаза:

– А, это ты, мать… Сейчас закончу…

Он снова опустил глаза в документ, ручка заскользила по бумаге. Я тихо присела на стул. Через несколько минут Андрей закончил писать, убрал бумагу в папку и посмотрел наконец на меня:

– Привет! Да я вот тут все с этими гребаными грабителями, черт бы их побрал!.. Представляешь: еще одна жертва нападения. Отняли сумочку, мобильник, сняли золотую цепочку и сережки… Или я тебе вчера говорил?.. Они меня уже достали, эти уроды! Чувствую, скоро я до них доберусь!

– Женщина жива?

– Да, лежит в больнице с проломленной головой. Но там только сотрясение. Врачи сказали, через неделю выпишут домой для долечивания… Так что, едем к твоему банкиру?

– Едем.

Через пару минут мы уже садились в мою машину.

Мы приехали на улицу Щенкова к серому мрачному зданию. Здесь находился изолятор временного содержания.

Мельников провел меня через КПП. Я только показала свое удостоверение частного детектива, а Андрей сказал:

– Это со мной…

Мы прошествовали по длинным мрачным коридорам, миновав несколько постов охраны, и вскоре вошли в допросную – маленькую комнатку с крохотным зарешеченным окном под самым потолком. В допросной стоял только стол и три стула. Мы с Андреем сели на эти стулья, прибитые к полу, и принялись ждать.

– Сейчас его приведут.

В это время зазвонил мобильник в кармане Андрея. Он достал его и включил:

– Что? Заболели?.. Понятно… Хорошо, допрос отменим.

Он выключил телефон и убрал его в карман.

– Адвокат Удовиченко заболел, – сказал Андрей, – просил перенести допрос.

– Андрюш, так чего лучше! Давай побеседуем с клиентом так, без протокола.

– Клиент! Это для тебя он клиент, а для меня – подозреваемый.

– Да как скажешь! Мне надо на него хоть посмотреть, а уж поговорить – вот так, до зарезу…

– Да ладно, говори. Зря, что ли, сюда тащились?!

– Ну, вот и хорошо! Сейчас он нам все расскажет, а я докажу, что убил не он.

– Тебе всегда хорошо! Но учти, мать: выпускать твоего клиента я пока не собираюсь. Как-никак пистолет у него дома был, в его сейфе. Он сам это сказал. Так что, эскюз ми, как говорят в Рязани, а банкир пока посидит у нас.

Андрей хлопнул по столу папкой, как бы давая понять, что дело это решенное раз и навсегда.

– Хорошо, Андрюшечка, я не против, пусть пока посидит, ему, кстати, полезно: не будет в следующий раз жене изменять. А я в ближайшие два дня докажу, что девушку убил не он, и вы все равно его отпустите. Спорим?

– Докажешь – отпустим. Не докажешь – не отпустим… А спорить с тобой я не буду: денег на коньяк жалко. Вот разве что с премии…

– За раскрытое дело! Точно! Андрюш, давай, быстренько раскрываем, банкира отпускаем и идем с тобой в ресторан. Закажем ведро шампанского и тазик черной икры! Скромненько и со вкусом…

– Весело живешь, мать! Даже завидно…

– А какой смысл унывать?!

В это время открылась дверь, и в ее проеме показался мужчина лет пятидесяти, высокий, приятной наружности. Он был в тренировочном костюме и кроссовках. Его красивые волосы темно-русого цвета были тщательно зачесаны назад. Руки он держал за спиной. Мужчина был лишь слегка полноват и для своих лет выглядел довольно неплохо. На лицо он был, я бы даже сказала, весьма симпатичным. Я тут же представила себе его в костюме-тройке с галстуком в шикарном кабинете коммерческого банка. Наверное, он сидел там за огромным столом размером с мою кухню, и секретарша, восемнадцатилетняя худосочная цыпочка, подавала ему кофе.

Конвойный завел мужчину в допросную, а сам остался за дверью, плотно закрыв ее и щелкнув засовом.

– Здравствуйте, гражданин Удовиченко! – сказал Андрей, указав на стул. – Проходите, присаживайтесь.

Виталий Яковлевич поздоровался с нами и сел на указанный стул. Он успел окинуть меня удивленным взглядом и несколько насторожиться.

– Мне только что звонил ваш адвокат, – продолжал Андрей, – он заболел и просил перенести допрос. Но я хочу предложить вам поговорить с частным детективом Татьяной Ивановой. Ваша супруга наняла ее и поручила… помочь следствию. Вы не возражаете против беседы с ней?

– Что? Частный детектив?.. Нет, я не возражаю. Тем более Рита наняла… Только это как-то неожиданно…

– Ну, это ничего! Говорите тут, я пока перекурю.

Мельников встал и подошел к двери. Он нажал кнопку звонка, находившегося тут же, и конвойный выпустил его.

Мы с Удовиченко-старшим тут же посмотрели друг на друга.

– Татьяна, а вы правда частный детектив? – спросил он.

Я достала удостоверение и показала ему. Он кивнул.

– Маргарита Игоревна наняла меня. Она не верит в вашу виновность и очень хочет освободить вас.

– Рита, Рита… – Удовиченко на пару секунд закрыл глаза и покачал головой. – Как я виноват перед ней!..

– Виталий Яковлевич, сейчас, извините, не время посыпать голову пеплом и каяться в грехах. У нас с вами совсем немного времени, так что не будем терять его понапрасну…

– А вы в самом деле можете помочь мне? Адвокат сказал…

Я перебила его:

– Давайте для начала выясним с вами один очень важный момент…

Он опустил голову:

– Я понимаю, что заслуженно вляпался в это, извините, дерьмо.

– Так где же вы были в тот злополучный день, Виталий Яковлевич?

– А вы все знаете? То, что произошло, из-за чего я здесь…

– Я знаю многое, но этого не достаточно, чтобы вытащить вас отсюда. Так где вы были в момент убийства Карины Овсепян?

– Мне стыдно сознаться в этом…

– Настолько стыдно, что вы готовы пойти по «огнестрельной» статье? Это серьезный срок, предупреждаю вас. Из тюрьмы вы выйдете дряхлым стариком… Ну, если вообще выйдете… Так что внуков своих вы, в лучшем случае, увидите уже взрослыми… Если вообще увидите.

Он посмотрел на меня испуганно:

– Татьяна, простите, я видел в удостоверении, но уже забыл… Как вас по отчеству?

– Александровна. Но я прошу вас называть меня просто Татьяной.

– Хорошо, – кивнул он, – так вот, Татьяна, знайте: я не убивал Карину.

– Знаю. Расскажите, что у вас произошло в тот день.

– Да, в тот день мы с ней опять поругались, уже не в первый раз. Я ее просил оставить Евгения в покое, она уверяла, что больше с ним не встречается. Но я чувствовал, что она мне лжет. Я обещал ей большие деньги, если она даст мальчику от ворот поворот. Зачем ему женщина на шесть лет старше его? Ему надо закончить институт, искать себе девушку… своего круга.

– А вам, извините, зачем девушка не вашего круга?

– Татьяна, вам будет трудно понять меня, вы не мужчина… Мой возраст приближается к пятидесяти, вон уже волосы начали седеть, первые морщины… А тут вдруг – молодая горячая девчонка! Я словно сбросил двадцать с лишним лет! Я снова стал молодым и легкомысленным. Это такое блаженство – снова почувствовать себя двадцатипятилетним… И словно нет никаких забот – ни на работе, ни в семье!.. Такая легкость, такая радость!..

А Серафима Аркадьевна была права насчет мужчин после сорока пяти, похоже, у них действительно бывает кризис, страх приближающейся старости. И от этого страха они готовы убежать каким угодно способом. Мудрая женщина, эта графиня, ничего не скажешь. А этот-то хорош! Седина в бороду…

– Похоже, вы просто потеряли из-за нее голову, – предположила я.

Он прикрыл глаза:

– Господи! Кто мог убить ее?! Она была такой красивой, такой страстной… А мы даже не попрощались, только поругались…

Он едва не плакал.

– Виталий Яковлевич, вернитесь, пожалуйста, в реальность. Я вам верю, что убили не вы, иначе не взялась бы за это дело. Но для того чтобы освободить вас, мне нужны доказательства. Итак, где вы были в тот вечер, когда Карину застрелили?

– Я приехал к ней в обед, примерно часа в два. Мы сразу же занялись любовью. Потом я принял душ, а она приготовила кофе. Мы пили кофе на кухне и разговаривали. Как-то нечаянно в разговоре коснулись Евгения. Я спросил Карину, продолжает ли он ходить к ней. Она уверила меня, что нет. Но я чувствовал нутром, понимаете, чувствовал, что они продолжают встречаться! А она врет мне. Я сорвался, начал кричать на нее… Я же даю ей денег, подарки там… снимаю ей квартиру, в конце концов! Что ей еще надо?! Почему она встречается еще и с моим сыном? Как она вообще может поступать так?.. Одним словом, я накричал на нее. Она тоже кричала, оправдывалась…

«Понятно, – подумала я, – это и был тот первый скандал, о котором говорила соседка».

– А второй? – спросила я.

– Что второй? – не понял Виталий Яковлевич. Он смотрел на меня удивленно.

– Когда вы поругались во второй раз?

– А с чего вы взяли, что мы поругались дважды? Вот и этот ваш… Мельников то же самое спрашивал.

– Соседка сказала, что слышала скандал дважды. Так когда вы поругались во второй раз?

– Врет ваша соседка! – вспылил Удовиченко. – Мы поругались один раз.

– Она не моя, скорее, ваша: вы ведь снимаете эту квартиру… Впрочем, ладно, оставим пока соседку в покое. Так что было дальше? Вы поругались… Кстати, во сколько это было?

– Примерно часа в три, ну, может, в самом начале четвертого. Потом я поехал домой. Надеялся застать там сына и поговорить с ним по-мужски. Но его не было. Рита была в магазине, у нее там инвентаризация проходила; она предупреждала, что придет поздно. Я послонялся по дому, позвонил несколько раз Евгению на мобильник, но он не брал трубу. Часов в пять, не в силах успокоиться, я поехал на такси на Столичную, снял там… проститутку. Да, да! Проститутку! Потом привез ее в номер частного мини-отеля, мы купили по дороге вино, коньяк, фрукты… Я начал пить, почувствовал, что меня развезло. Я расстроился из-за скандала с Кариной. Она берет у меня деньги и обещает бросить Евгения, но не держит слово. Я просто чувствовал, что он посещает ее…

– Виталий Яковлевич, давайте вернемся к проститутке. Как ее звали?

– Эмма. Да, она так представилась, хотя, думаю, это не настоящее ее имя. Она яркорыжая, и она чем-то похожа на Карину, потому я и снял ее, заплатив за целую ночь. Самое интересное, что у нас ничего не было, я имею в виду секс. Я так напился в тот день! Даже стыдно… Все, помню, жаловался ей на жизнь, на Карину, на сына… Она слушала и ела, ела… Как будто до того неделю голодала.

– Значит, говорите, проститутка похожа на Карину… Как вы думаете, она сможет подтвердить ваши слова?

– А вы собираетесь ее найти?! – ужаснулся Виталий Яковлевич.

– Естественно. Это – ваша соломинка. Точнее, теперь уже наша, раз я ввязалась в это дело.

– Татьяна, но как я… Все узнают, что я с проституткой… Жена узнает, теща… Сын!

– А как вам то, что они знают о вашей любовнице? Ничего? Нормально? Пусть уж лучше вам будет стыдно дома перед женой и тещей, чем целых двадцать лет перед сокамерниками.

Он закрыл лицо руками и застонал:

– Вот правильно говорят, что рано или поздно за все приходится платить…

– Виталий Яковлевич, кто у вас в семье умеет стрелять из пистолета? – спросила я.

– М-м? Из пистолета?.. А-а… Все. Это мой тесть всех научил. Говорил, так, на всякий случай. Мало ли! Он – бывший военный… А что?

Я постаралась придать своему голосу безразличие:

– Ничего, это я просто к сведению…

– Татьяна, вы только не думайте, никто из моих родных не мог!.. – испугался Удовиченко.

– А пистолет хранился у вас в спальне, в сейфе?

– Да. А потом он пропал оттуда.

– Когда?

– Не знаю.

– Виталий Яковлевич, вы только говорите мне, пожалуйста, всю правду. Иначе мне будет трудно помочь вам.

– Да я правду говорю: пистолет пропал, но когда именно, я не знаю! Я же не каждый день проверял его. Он лежал в отдельном ящичке. Это такой специальный сейф для денег и оружия.

– А почему вы не заявили в полицию?

Он замялся. Помолчал, похрустел пальцами. Я терпеливо ждала.

– Виталий Яковлевич, у нас мало времени, – напомнила я.

– Видите ли, Татьяна…

Он потер виски, снова похрустел пальцами. Он что, решил их сломать?

– Так вот… Заявить я не торопился, да… Я думал… Мне казалось, что…

Ну? Ну, что же тебе казалось? Что-то ты темнишь, парень! Я решила помочь мученику, иначе он будет до утра хрустеть здесь пальцами:

– Вы подумали, что пистолет могла взять Карина?

Виталий Яковлевич смутился, но нашел в себе мужество кивнуть:

– Как вы догадались?

– Женская интуиция. Вы спрашивали у нее про пистолет?

– Да.

Он опустил голову.

– Но она, разумеется, уверяла, что ничего не знает об оружии. Так сказать, ни сном ни духом!

Он кивнул, не поднимая головы.

– А вы усомнились в правдивости ее слов и потому не заявили о пропаже, не хотели подставлять вашу даму сердца?

– Если бы милиция докопалась, кто… взял пистолет, Карину могли бы посадить.

Он упорно избегал слова «украла».

– Если бы вы заявили о пропаже оружия, Карина, скорее всего, была бы жива, – довольно жестко сказала я.

Он поднял на меня глаза. Взгляд его был испуганным.

– Скажите мне, Виталий Яковлевич, пожалуйста, только откровенно: когда Карина работала у вас, вы влюбились в нее?

– Да, стыдно сказать, как мальчишка! Просто голову потерял. Со мной с молодости такого не было…

– И она ответила вам взаимностью.

– Я сам был поражен, я не думал, что тоже нравлюсь ей, не ожидал, что нам будет так хорошо…

Лязгнул засов двери. Я встала:

– Наше время вышло. До свидания.

– До свидания…

Мы с Андреем снова шагали по длинному мрачному коридору, теперь уже в обратном направлении – в сторону выхода.

– Андрюш, а что сказала соседка насчет времени? Во сколько были скандалы?

– Первый – в начале четвертого. Но тогда она им в стену не стучала. А в пять начался какой-то ее любимый сериал, а соседи начали шуметь, и она постучала им кулаком в стену.

– Понятно. А во сколько наступила смерть девушки?

– В шесть – в половине седьмого.

– Андрюш, по какому адресу находится квартира, которую снимал Удовиченко?

– Калиновая, девяносто шесть. Квартира сорок два, на первом этаже. Поедешь туда?

– Да, надо бы побеседовать с бабушкой-соседкой. Пусть теперь расскажет мне, что она там слышала?

– Советую купить ей тортик. Очень уж бабушка любит сладкое. Под тортик она тебе все расскажет.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.